

На правах рукописи

КУЛАГИН Андрей Николаевич

**ПРОДОЛЖАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации**

Специальность 12.00.08 – «Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Научный руководитель: **Ображиев Константин Викторович**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Рарог Алексей Иванович**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра уголовного права, профессор

Андрианов Владимир Константинович
кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», отдел уголовно-правовых исследований, старший научный сотрудник

Ведущая организация: ФГКОУ ВО «Омская Академия МВД России»

Защита состоится 08 февраля 2018 г. в 14 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 170.001.02 при Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации: <http://www.agprf.org>.

С электронной версией автореферата можно ознакомиться на сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации: <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан 27 ноября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.В. Буланова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется насущной потребностью в доктринальном разрешении теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой продолжаемой преступной деятельности.

В настоящее время правоприменительные органы лишены надежных ориентиров в плане квалификации продолжаемого преступления и отграничения его от совокупности преступных деяний, так как законодательное определение продолжаемого преступления отсутствует, а позиция высшей судебной инстанции по вопросам его уголовно-правовой оценки не отличается четкостью и последовательностью.

Известное постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям»¹ дает лишь самое общее представление о продолжаемом преступлении, оставляя открытыми вопросы относительно отраслевой противоправности деяний, входящих в его состав, степени их сходства, момента юридического окончания продолжаемого преступления и других его ключевых признаков. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся отдельных видов продолжаемых преступлений, не согласуются между собой. В них отражены несовпадающие подходы к квалификации продолжаемых преступлений, представлено различное толкование их ключевых признаков, что дезориентирует нижестоящие суды, органы предварительного расследования и прокуратуры.

В этих условиях правоприменительная практика по уголовным делам о многоэпизодных преступлениях складывается крайне противоречиво, а решение вопроса о наличии признаков продолжаемого преступления чуть ли полностью зависит от усмотрения субъектов квалификации. Причем зачастую аналогичные тождественные деяния квалифицируются по-разному – в одних случаях они признаются единым продолжаемым преступлением, в других случаях при сходных обстоятельствах вменяется совокупность преступлений. Более того, в ходе проведения диссертационного исследования были выявлены факты, когда

¹ СПС «Консультант Плюс».

различную уголовно-правовую оценку получали одни и те же противоправные тождественные деяния – действия одного соисполнителя были квалифицированы как совокупность преступных деяний, а действия другого соисполнителя расценены как продолжаемое преступление².

Сложившаяся ситуация является неприемлемой, поскольку противоречивая правоприменительная практика «ослабляет гарантии государственной защиты от произвольного уголовного преследования, осуждения и наказания»³, открывает широкий простор для различных злоупотреблений при квалификации преступлений, для манипуляции статистическими показателями борьбы с преступностью. На последнее обстоятельство обратил внимание Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка. Выступая с докладом на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, он отметил, что «несмотря на принимаемые меры, острой остается проблема искусственного формирования показателей борьбы с коррупцией путем необоснованного дробления единых продолжаемых преступлений на отдельные эпизоды. Поэтому крайне важно развивать новое для прокуроров направление в области обеспечения достоверной уголовно-правовой статистики»⁴.

На этом фоне диссертационное исследование, нацеленное на разработку уголовно-правовой характеристики продолжаемого преступления, общих и частных правил его квалификации, приобретает повышенную актуальность.

² См.: Постановление Президиума Новгородского областного суда от 07 сентября 2015 г. № 44у-43/2015 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 7 февраля 2017 г. // СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2892; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 294. – Ст. 3983.

⁴ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1186517/> (дата обращения: 01.09.2017).

Степень научной разработанности темы исследования. К сожалению, несмотря на несомненную прикладную значимость уголовно-правовой проблематики, связанной с продолжаемыми преступлениями, юридическая наука не уделяет ей должного внимания. Признаки продолжаемого преступления и правила его квалификации преимущественно рассматриваются «попутно», в контексте более общих проблем. В частности, они затрагиваются в работах, посвященных множественности преступлений (труды Т.Э. Караева, Ю.А. Красикова, В.П. Малкова, Ю.Е. Пудовочкина, Т.Г. Черненко, А.М. Яковлева и др.), в рамках исследования сложных единичных преступлений (работы В.Ф. Дёмина, И.А. Зинченко, Т.А. Калининой, Н.Н. Куличенко, А.П. Козлова, К.В. Ображиева, С.Н. Романюка, А.П. Севастьянова, Д.С. Чикина и др.) либо в публикациях по общим проблемам квалификации преступлений (исследования А.В. Корнеевой, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумова, Н.И. Пикурова, А.И. Ра рога, Н.К. Семернёвой, П.С. Яни и др.).

Что же касается специальных исследований, непосредственно нацеленных на рассмотрение продолжаемых преступлений, то в этом плане ощущается определенный дефицит. До недавнего времени отечественная уголовно-правовая наука располагала результатами лишь двух монографических исследований продолжаемого преступления (Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984; Кривошеин П.К., Кузьмичев В.С. Продолжаемое преступление и проблемы его квалификации. – Киев, 1989), которые во многом утратили свою актуальность. В 2017 г. была защищена еще одна диссертация по этой проблематике (Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017). Однако она лишь частично восполняет существующий пробел в юридической науке, так как многие проблемы квалификации продолжаемых преступлений не получили в ней научно обоснованного решения, а некоторые из них вообще остались без рассмотрения, что дополнительно подтверждает необходимость проведения настоящего диссертационного исследования.

Целью диссертационного исследования является разрешение теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой про-

должаемых преступлений, а также разработка предложений по нормативной регламентации продолжаемого преступления и правил его квалификации.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **основные задачи исследования:**

– проследить развитие доктринальных представлений о продолжаемом преступлении и выявить основные концепции (теории), объясняющие его единство;

– проанализировать объективные признаки продолжаемого преступления, выделить среди них универсальные и факультативные;

– уточнить содержание субъективных признаков продолжаемого преступления, определить критерии его внутреннего единства;

– разработать доктринальную модель нормативной регламентации продолжаемого преступления с учетом зарубежного опыта и потребностей правоприменительной практики;

– выявить правоприменительные проблемы, возникающие при уголовно-правовой оценке продолжаемых преступлений, и на основании принципов уголовного права, нормативных и доктринальных правил квалификации сформулировать конкретные рекомендации по их разрешению;

– на примерах продолжаемых хищений и продолжаемого взяточничества выявить уголовно-правовую специфику отдельных разновидностей продолжаемых преступлений;

– проанализировать частные правила квалификации продолжаемых хищений и продолжаемого взяточничества, сопоставить их с общими правилами уголовно-правовой оценки продолжаемых преступлений;

– выявить противоречия в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации продолжаемых преступлений и предложить способы их преодоления.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с уголовно-правовой оценкой продолжаемой преступной деятельности.

Предметом диссертационного исследования являются: основные концепции (теории) продолжаемого преступления; продолжаемые преступления и их признаки; зарубежный опыт их нормативной регламентации; проблемы ква-

лификации продолжаемых преступлений; общие и частные правила их уголовно-правовой оценки.

Методологической основой диссертационного исследования выступают: принципы и постулаты диалектического метода познания (принципы объективности и всесторонности рассмотрения объекта познания, историзма, всеобщей связи явлений, системности и др.); общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-логический, социологический) методы исследования.

В качестве **теоретической основы диссертационного исследования** выступили основные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, истории государства и права, философии права, криминологии, конституционного, административного права, социологии.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют Конституция Российской Федерации, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Сравнительно-правовые аспекты исследования потребовали обращения к уголовному законодательству зарубежных стран (УК Республики Беларусь, УК Республики Казахстан, УК Украины, УК Республики Таджикистан, УК Республики Узбекистан и др.).

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена: результатами проведенного в 2015-2017 гг. обобщения материалов более 400 уголовных дел о многоэпизодных преступлениях; опубликованной практикой Верховного Суда Российской Федерации, относящейся к теме исследования; данными опроса 226 экспертов (112 прокуроров, 35 судей, 19 помощников судей, 26 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 34 следователя органов внутренних дел Российской Федерации), проведенного в 2016-2017 гг.

При подготовке диссертации использовались результаты исследований,

проведенных другими авторами, а также личный опыт прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Научная новизна диссертации заключается в разработке целостного уголовно-правового учения о продолжаемом преступлении, которое включает в себя: теоретические положения, отражающие сущность продолжаемого преступления; уточненную уголовно-правовую характеристику продолжаемого преступления, его объективных и субъективных признаков; обоснование перспективных направлений нормативной регламентации продолжаемых преступлений; общие и частные правила их квалификации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основные доктринальные концепции (теории) продолжаемого преступления. В европейской уголовно-правовой науке XIX в. сформировались три основные концепции (теории) продолжаемого преступления – объективная, субъективная и дуалистическая (объективно-субъективная), которые получили последующее развитие в отечественной доктрине уголовного права.

Сущность продолжаемого преступления лучше всего отражает третья концепция, в соответствии с которой его единство определяется как субъективными, так и объективными показателями. С позиции дуалистической концепции внешние (объективные) проявления продолжаемого преступления играют двоякую роль. С одной стороны, они доказывают субъективное единство продолжаемого преступления (единство умысла, мотива, цели), а с другой – определяют четкие границы, за рамками которых даже субъективно взаимосвязанные неоднократные деяния не могут признаваться единичным преступлением.

2. Уточненная уголовно-правовая характеристика объективных признаков продолжаемого преступления:

– в его состав могут входить деяния с различной отраслевой противоправностью, что требует корректировки разъяснений относительно продолжаемого хищения (п. 16 постановления Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29);

– обязательным признаком продолжаемого преступления является тождественность образующих его деяний, которую предлагается определять на основании двух альтернативных критериев – юридического (ответственность за

каждое деяние предусмотрена одной статьей нормативного правового акта) и (или) фактического (все деяния имеют аналогичные объективные признаки);

– составными элементами продолжаемого преступления могут быть деяния, предусмотренные различными частями одной статьи Особенной части УК РФ. В подобных случаях продолжаемое преступление квалифицируется с учетомотягчающих обстоятельств, которые имели место хотя бы при совершении одного из деяний, входящих в его состав.

3. Уточненная уголовно-правовая характеристика субъективных признаков продолжаемого преступления:

– продолжаемое преступление совершается лишь с прямым умыслом, который может быть конкретизированным (виновный имеет четкое, конкретное представление о цели совершаемых им тождественных противоправных деяний и ее количественных параметрах) или относительно-определенным (виновный преследует единую качественно определенную цель, но не имеет детального представления о ее количественных параметрах). Исходя из этого, предлагается исключить из постановления Пленума от 23 декабря 1980 г. № 6 разъяснение, в соответствии с которым продолжаемое хищение совершается только с конкретизированным умыслом;

– для продолжаемого преступления обязательно единство умысла, которое констатируется: если совершение нескольких тождественных противоправных деяний планировалось изначально (заранее обдуманый единый умысел); если решение осуществить тождественное посягательство на тот же объект принято в процессе совершения противоправного деяния, но до его фактического окончания (внезапно возникший единый умысел);

– единство умысла не исключает определенной динамики субъективных представлений о размере предмета продолжаемого преступного посягательства. Если в сознании виновного до окончания запланированных действий меняются количественные параметры поставленной цели (например, появляется желание похитить больше изначально запланированного), то умысел не утрачивает изначального единства, хотя и претерпевает определенную корректировку.

4. Предложения по нормативной регламентации продолжаемого преступления:

– регламентация продолжаемого преступления должна быть многоуровневой. Первичные уголовно-правовые предписания, определяющие общие (универсальные) признаки продолжаемого преступления и правила его ограничения от совокупности преступных деяний, следует регламентировать в УК РФ, а специфику отдельных разновидностей продолжаемых преступлений – отразить в постановлениях Пленума по конкретным категориям уголовных дел. Это позволит добиться реализации уголовно-правового принципа законности и одновременно обеспечить субъектов правоприменительной деятельности конкретизирующими предписаниями, необходимыми для квалификации отдельных видов продолжаемого преступления;

– законодательное определение продолжаемого преступления (равно как и иных сложных единичных преступных деяний) целесообразно включить в институт множественности преступлений, обособив его в отдельной главе УК РФ;

– законодателю следует отказаться от попыток нормативной трансформации продолжаемого преступления одного вида в другое, более тяжкое преступление, так как даже многократное повторение тождественных преступных деяний не способно изменить вид продолжаемого преступления. Исходя из этого, необходимо внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 117 УК РФ, исключив возможность «превращения» продолжаемых побоев в истязание.

5. Общие правила квалификации продолжаемого преступления:

– при наличии непреодолимых сомнений относительно уголовно-правовой оценки тождественных преступных деяний необходимо задействовать следующий алгоритм квалификации: содеянное следует квалифицировать дважды – как продолжаемое преступление и как совокупность преступных деяний; далее нужно сравнить наказуемость содеянного при первом и втором варианте квалификации; на основании ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации выбрать более «выгодный» для виновного вариант квалификации;

– разъяснения, сформулированные в п. 5 постановления Пленума от 4 марта 1929 г. № 23, касаются исключительно фактической завершенности продолжаемого преступления, а потому не могут использоваться для определения момента его юридического окончания. Этот момент следует устанавливать дифференцированно, в зависимости от степени конкретизации умысла, параметров цели, поставленной виновным, а также ее уголовно-правового значения

(конкретные рекомендации изложены в тексте диссертации и автореферата);

– при наличии предварительного сговора на совершение продолжаемого преступления его соисполнителям следует вменять все эпизоды (продолжаемое преступление в целом), а не только те деяния, в которых они принимали участие;

– соисполнитель, присоединившийся к совершению уже начатого продолжаемого преступления, должен нести ответственность за это преступление (при соблюдении принципа субъективного вменения) с учетом следующих особенностей: в объем обвинения присоединившегося соисполнителя не могут входить те деяния, которые были совершены до его подключения к продолжаемому преступлению; ему не вменяется квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору».

6. Уголовно-правовая специфика и частные правила квалификации продолжаемого хищения:

– единство источника изъятия чужого имущества, которое является обязательным признаком продолжаемого хищения в форме кражи, грабежа и разбоя, определяется на основании двух альтернативных критериев – пространственного (изъятие имущества осуществляется из одного места, ограниченного определенными территориальными рамками) и юридического (все изъятые имущество принадлежит одному собственнику);

– для продолжаемых мошенничества, присвоения или растраты единство источника изъятия чужого имущества не обязательно. Субъективная взаимосвязь тождественных действий, направленных на хищение чужого имущества путем мошенничества, присвоения или растраты, может внешне проявляться и без единства источника изъятия, выражаясь в других объективных признаках (например, единство приготовительной деятельности, использование единого способа хищения и др.).

7. Уголовно-правовая специфика и частные правила квалификации продолжаемого взяточничества:

– если должностное лицо, получив от взяткодателя незаконное вознаграждение за совершение определенных действий (акта бездействия), требует повысить размер взятки, а взяткодатель, согласившись с этим требованием, передает дополнительное вознаграждение за те же действия (акт бездействия), содеянное необходимо квалифицировать как продолжаемое взяточничество;

– действия взяткополучателя, который после получения взятки в заранее определенном размере сообщает взяткодателю о необходимости дать взятку другому должностному лицу, требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки;

– если субъекты коррупционного подкупа воспринимают неоднократную передачу (получение) незаконного вознаграждения как регулярную оплату единого комплекса коррупционных услуг (рассроченные коррупционные платежи за благоприятное отношение чиновника), то имеет место продолжаемое взяточничество за общее покровительство (попустительство) по службе. Если же каждый повторный факт передачи взятки воспринимается взяткодателем и взяткополучателем как самостоятельная коррупционная «сделка», все эти факты требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки;

– позиция высшей судебной инстанции относительно момента юридического окончания продолжаемых получения и дачи взятки в значительном, крупном или особо крупном размере (абз. 2 п. 10 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24) требует корректировки, поскольку не согласуется с общими правилами квалификации продолжаемого преступления, а также с разъяснениями по другим категориям уголовных дел.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты обогащают юридическую науку, развивают и углубляют доктринальные уголовно-правовые представления о продолжаемых преступлениях, вносят вклад в развитие учения о сложных единичных преступлениях и множественности преступных деяний, создают теоретическую основу для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическое значение диссертационного исследования выражается в уточнении существующих и разработке новых правил квалификации продолжаемых преступлений, разрешении сложных правоприменительных проблем, возникающих при их уголовно-правовой оценке. Результаты исследования могут быть использованы: в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации; в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации; в правоприменительной практике при квалификации продолжаемых преступлений; в учебном процессе подготовки бакалавров, специалистов и магистров по направле-

нию «Юриспруденция»; в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Практическая значимость диссертационного исследования подтверждается **апробацией его результатов** посредством:

– их публикации в 9 научных работах (4 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России);

– обсуждения основных положений и выводов диссертации на 5 научно-практических форумах: XIV Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 26–27 января 2017 г.); международной научно-практической конференции «Проблемы эффективности права в современной России» (Краснодар, 7–8 октября 2016 г.); международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Новороссийск, 30 сентября 2016 г.); всероссийской научно-практической конференции «Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты» (Рязань, 24 мая 2016 г.); заседании круглого стола «Состояние законности в Российской Федерации» (Москва, 13 апреля 2016 г.);

– их внедрения в практическую деятельность Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуратуры Западного административного округа г. Москвы, а также в учебный процесс юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием апробированных методов научного познания, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой, на которой основывалось исследование. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме диссертации.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, 2 глав, объединяющих 7 параграфов, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, характеризуются эмпирическая, нормативная и теоретическая основы диссертации, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется их теоретическая и практическая значимость.

Первая глава диссертации **«Теоретические основы учения о продолжаемых преступлениях и их уголовно-правовая характеристика»** состоит из четырех параграфов.

В параграфе 1.1. **«Развитие доктринальных представлений о продолжаемых преступлениях: основные концепции»** отмечается, что в европейской уголовно-правовой науке XIX в. (в основном благодаря работам немецких криминалистов) сформировались три основные концепции (теории) продолжаемого преступления – объективная, субъективная и дуалистическая (объективно-субъективная), которые получили развитие в отечественной доктрине уголовного права.

С точки зрения объективной концепции единство продолжаемого преступления заключается во внешней взаимосвязи его элементов, которая проявляется, в частности, в том, что неоднократные преступные деяния предусмотрены одной и той же уголовно-правовой нормой (признак юридической тождественности или однородности), посягают на единый предмет (одного потерпевшего), совершаются, как правило, в течение непродолжительного времени, причиняют один преступный результат. Сторонники объективной концепции полагали, что разработка понятия продолжаемого преступления продиктована преимущественно утилитарными соображениями. Неоднократные преступные посягательства признаются единым продолжаемым преступлением в целях процессуальной экономии, а также для того, чтобы избежать назначения чрезмерно сурового наказания. По сути, в такой трактовке продолжаемое преступление – это некая юридическая фикция, в рамках которой фактическая множественность провозглашается единичным (в юридическом смысле) преступлением.

Субъективная концепция продолжаемого преступления исходит из того, что продолжаемое преступление – это не юридическая фикция, применяемая в

целях упрощения уголовного процесса и экономии уголовной репрессии, а реальное криминальное явление, единство которого кроется во внутренней взаимосвязи его элементов. С позиции субъективной теории продолжаемого преступления объективные характеристики преступной деятельности имеют исключительно вспомогательное значение; они лишь доказывают наличие или, напротив, отсутствие субъективной взаимосвязи, внутреннего единства противоправных деяний.

По мнению диссертанта, сущность продолжаемого преступления лучше всего отражает дуалистическая (объективно-субъективная) концепция, которая доминирует в советской и постсоветской уголовно-правовой науке. Она исходит из того, что отграничить продолжаемое преступление от совокупности преступных деяний исключительно на основе субъективного единства криминальной деятельности, т.е. без учета ее объективных характеристик, практически невозможно. Единство продолжаемого преступления определяется как субъективными, так и объективными показателями.

С позиции дуалистической концепции, которой довольно последовательно придерживается Пленум Верховного Суда Российской Федерации, внешние (объективные) проявления продолжаемого преступления играют двоякую роль. С одной стороны, они доказывают субъективное единство продолжаемого преступления (единство умысла, общность цели), а с другой – определяют четкие границы, за рамками которых даже субъективно взаимосвязанные неоднократные деяния не могут признаваться сложным единичным преступлением.

В параграфе 1.2 **«Объективные признаки продолжаемого преступления»** соискатель на основании анализа судебной практики приходит к выводу, что в состав продолжаемого преступления могут входить деяния, которые при изолированном рассмотрении представляют собой не только преступления, но и иные правонарушения (в частности, административные проступки), при условии, что за них лицо не привлекалось к юридической ответственности. Исходя из этого, в работе предлагается скорректировать разъяснение, содержащееся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», указав, что продолжаемое хищение состоит *«... из ряда тождественных противоправных действий»* (предлагаемые изменения выделены курсивом).

В диссертации подчеркивается, что обязательным признаком продолжаемого преступления является тождественность образующих его деяний, которая должна определяться на основании двух альтернативных критериев – юридического и фактического. Противоправные деяния признаются юридически тождественными, если юридическая (уголовная, административная, дисциплинарная) ответственность за каждое из них (при изолированном рассмотрении) предусмотрена одной статьей нормативного правового акта. В свою очередь, фактическая тождественность предполагает, что все противоправные деяния имеют сходные (однотипные) объективные признаки. Для вывода о тождественности деяний достаточно и одного из этих критериев, поскольку они имеют альтернативный характер.

Составными элементами продолжаемого преступления могут быть деяния, предусмотренные различными частями одной статьи Особенной части УК РФ. В подобных случаях продолжаемое преступление квалифицируется с учетом отягчающих обстоятельств, которые имели место хотя бы при совершении одного из деяний, входящих в его состав.

Соискатель отмечает, что в различных эпизодах продолжаемого преступления соучастники могут выполнять несовпадающие роли, что не исключает юридической тождественности соответствующих деяний. В подобных случаях юридическая тождественность определяется не ролью соучастника, которая варьируется от эпизода к эпизоду, а тем, что все его преступные деяния направлены на совершение преступления, предусмотренного одной статьей Особенной части УК РФ.

Продолжаемое преступление всегда совершается разновременными противоправными деяниями, т.е. предполагает дискретность (прерывистость) преступного поведения. Допустимая продолжительность временных промежутков между деяниями, входящими в состав продолжаемого преступления, зависит от вида продолжаемого преступления, а также от обстоятельств конкретного дела. Поэтому временные параметры совершения тождественных деяний (их периодичность, продолжительность разрывов во времени) следует рассматривать лишь как один из многих объективных факторов, подтверждающих или, напротив, опровергающих их субъективную взаимосвязь. При этом прослеживается устойчивая закономерность, которая заключается в следующем: чем меньше

разрыв во времени между тождественными деяниями, тем с бóльшей вероятностью можно говорить о единстве умысла.

В работе указывается, что обязательным признаком продолжаемого преступления является объективная взаимосвязь между входящими в его состав деяниями. Универсальным (т.е. характерным для всех продолжаемых преступлений) критерием такой взаимосвязи является единство объекта посягательства, а в качестве факультативных ее показателей могут выступать обстоятельства, относящиеся к предмету посягательства, потерпевшему от преступления, общественно опасным последствиям, способу, орудиям и средствам, обстановке совершения противоправных посягательств и др. При этом в правоприменительной практике взаимосвязь элементов продолжаемого преступления, как правило, констатируется на основании совокупности нескольких критериев, сочетание которых в каждом конкретном случае индивидуально.

В параграфе 1.3 «**Субъективные признаки продолжаемого преступления**» диссертант подчеркивает, что продолжаемое преступление может быть только умышленным, причем умысел возможен лишь прямой. Продолжаемое преступление предполагает постановку преступной цели (с той или иной степенью конкретизации) и поэтапное ее достижение, а это характерно только для прямого умысла.

В зависимости от степени конкретизации умысла в диссертации выделяется две разновидности продолжаемых преступлений:

а) продолжаемые преступления с конкретизированным (определенным) умыслом. Для них характерно четкое, конкретное представление виновного о цели совершаемых им тождественных противоправных деяний и ее количественных параметрах. В частности, умысел является конкретизированным, когда виновный желает посредством дискретных актов причинить общественно опасные последствия определенного вида и размера, т.е. стремится к конкретному результату;

б) продолжаемые преступления с относительно-определенным умыслом. В этих преступлениях виновный, совершая тождественные противоправные акты, преследует единую цель, но не имеет детального представления о ее количественных параметрах; представляет результат совершаемых деяний, но недостаточно конкретно. В этом случае умысел нельзя считать неконкретизирован-

ным, так как виновный ставит перед собой качественно определенную цель. Такой умысел предпочтительнее называть относительно-определенным.

В целях обеспечения единообразной правоприменительной практики по делам о многоэпизодных хищениях соискатель предлагает: исключить из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» разъяснение, в соответствии с которым продолжаемое хищение совершается лишь с конкретизированным умыслом; разъяснить в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», что продолжаемое хищение может совершаться не только с конкретизированным, но и с относительно-определенным умыслом.

В продолжаемом преступлении умысел (вне зависимости от степени его конкретизации) должен быть единым – он охватывает все неоднократные деяния, совершенные виновным, начиная от первого и заканчивая последним. Умысел можно признать единым: если совершение нескольких тождественных противоправных деяний планировалось изначально (заранее обдуманый единый умысел); если решение совершить тождественное посягательство на тот же объект принято в процессе совершения противоправного деяния, но до его фактического окончания (внезапно возникший единый умысел).

Диссертант обращает внимание на то, что единство умысла на совершение ряда тождественных противоправных деяний не исключает определенной динамики субъективных представлений о размере предмета продолжаемого преступного посягательства. Если в сознании виновного до окончания запланированных действий меняются количественные параметры поставленной преступной цели (появляется желание похитить больше изначально запланированного, получить взятку в большем размере, чем было вначале оговорено с взяткодателем), то умысел не утрачивает изначально единства, хотя и претерпевает определенную корректировку.

Обязательным субъективным признаком продолжаемого преступления является направленность всех дискретных тождественных актов к достижению единой цели. Совершая повторные деяния, виновный осознает каждое из них как шаг в направлении этой цели, воспринимает их в качестве этапа достиже-

ния запланированного им результата. В субъективном смысле эти деяния не имеют самостоятельного характера; их следует оценивать через призму единого целеполагания, общего замысла, с точки зрения которого каждое из совершенных деяний представляет собой элемент единого целого.

Важнейшим показателем субъективной взаимосвязи деяний, входящих в состав продолжаемого преступления, является единство мотива их совершения. Посредством ряда тождественных противоправных посягательств виновный удовлетворяет единую потребность, которая находится в основе формирования умысла на совершение продолжаемого преступления.

В параграфе 1.4 **«Проблемы нормативной регламентации продолжаемых преступлений»** автор отмечает, что, несмотря на отсутствие законодательного определения продолжаемого преступления в УК РФ (равно как и в предыдущих кодифицированных уголовных законах дореволюционного и советского периодов), субъекты правоприменительной деятельности не лишены нормативных ориентиров (пусть и недостаточно четких) в плане понимания признаков этого сложного единичного преступления. В качестве таковых длительное время выступают разъяснения высшей судебной инстанции – постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям», в котором содержится общее определение продолжаемого преступления, а также постановления Пленума по отдельным категориям уголовных дел, где отражаются специфические признаки частных разновидностей продолжаемых преступлений.

По мнению соискателя, подобная регламентация продолжаемого преступления является недостаточной. Во-первых, постановления Пленума, по идее, предназначены для конкретизации положений уголовного закона («первичных» уголовно-правовых предписаний), их развития. Вторжение их в зону «первичного» уголовно-правового регулирования, как это происходит в случае с регламентацией продолжаемого преступления, недопустимо, поскольку это исключительная прерогатива кодифицированного уголовного закона. Во-вторых, включение в УК РФ нормы, регламентирующей определение продолжаемого преступления и критерии его отграничения от совокупности преступных деяний, будет иметь важное правоприменительное значение. Учитывая

взаимосвязанные предписания ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ, субъекты правоприменительной деятельности в первую очередь ориентируются на предписания уголовного закона. В этих условиях регламентация продолжаемого преступления на уровне УК РФ приобретает особую важность.

В диссертации отстаивается мнение о том, что законодательное определение продолжаемого преступления (равно как и иных сложных единичных преступных деяний) необходимо для того, чтобы решить, имеются ли в содеянном признаки множественности преступных деяний, или же имеет место одно преступление. Иными словами, нормативные предписания о сложных единичных преступлениях должны выполнять функцию «негативного» признака, исключающего наличие множественности преступных деяний. Следовательно, законодательные предписания, регламентирующие все разновидности сложных единичных преступлений, целесообразно включить в институт множественности преступлений, обособив его в отдельной главе УК РФ.

Соответствующую уголовно-правовую норму предлагается изложить в следующем виде:

«Статья ... Продолжаемое преступление

Не признается множественностью преступлений продолжаемое преступление, то есть взаимосвязанные юридически и (или) фактически тождественные противоправные деяния, направленные на достижение общей цели и совершенные с единым конкретизированным или относительно-определенным умыслом, возникшим до фактического окончания первого противоправного деяния.»

Диссертант подчеркивает, что регламентация продолжаемого преступления должна быть многоуровневой. Первичные уголовно-правовые предписания, определяющие общие (универсальные) признаки продолжаемого преступления и правила его отграничения от совокупности преступных деяний, должны быть предусмотрены в УК РФ (в обособленной главе о множественности преступлений), а специфика отдельных разновидностей продолжаемых преступлений – отражена в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Взаимодействие двух уровней регламентации позволит, с одной стороны, добиться реализации уголовно-правового принципа законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ), а с другой стороны, обеспечить субъектов правоприменительной деятельности

конкретизирующими предписаниями, необходимыми для квалификации различных видов продолжаемого преступления.

Проведенное исследование показало, что установление в УК РФ повышенного наказания за продолжаемое преступление, сопоставимого с наказанием за совокупность преступлений, как это предлагают отдельные специалисты, нецелесообразно. Это предложение искажает сущность продолжаемого преступления, которое при всем его внешнем сходстве с совокупностью все же представляет собой единичное преступление. Реализация подобной идеи фактически приведет к отказу от конструкции продолжаемого преступления. Если назначать наказание за продолжаемое преступление по правилам ст. 69 УК РФ, то практический смысл его отграничения от совокупности преступных деяний полностью утрачивается.

Соискатель указывает, что продолжаемые побои, совершенные три и более раз, не должны по произвольному «велению» законодателя «превращаться» в истязание. Это противоречит общепризнанным постулатам учения о продолжаемом преступлении, в соответствии с которым даже многократное повторение тождественных преступных деяний не способно изменить вид продолжаемого преступления. Поэтому законодателю следует отказаться от попыток нормативной трансформации продолжаемого преступления одного вида в другое, более тяжкое преступление. Важным шагом в этом направлении должно стать исключение из диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ указания на систематическое нанесение побоев.

Вторая глава диссертации **«Квалификация продолжаемых преступлений: общие и частные проблемы»** состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.2 **«Общие проблемы квалификации продолжаемых преступлений»** сформулированы правила уголовно-правовой оценки, которые имеют «сквозное» значение, т.е. распространяются на все продолжаемые преступные деяния.

Диссертант приходит к выводу, что при наличии непреодолимых сомнений относительно уголовно-правовой оценки тождественных преступных деяний необходимо задействовать следующий алгоритм квалификации: содеянное следует квалифицировать дважды – как продолжаемое преступление и как совокупность преступных деяний; сравнить наказуемость содеянного при первом

и втором варианте квалификации; на основании ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации выбрать тот вариант квалификации, который с точки зрения возможных уголовно-правовых последствий (т.е. наказуемости) будет более «мягким», более «выгодным» виновному.

В работе указывается, что при установлении времени совершения продолжаемого преступления в правоприменительной практике используется юридическая фикция, с помощью которой фактическое время выполнения его объективной стороны (т.е. хронологический период) сводится к дискретному моменту – моменту совершения последнего действия (акта бездействия), входящего в состав продолжаемого преступления. Такой подход представляется полностью обоснованным, так как действия (акты бездействия), образующие продолжаемое преступление, лишены самостоятельного юридического значения, а оцениваются лишь в единстве. Поэтому определять юридическое время совершения продолжаемого преступления можно лишь по моменту фактического завершения (добровольного или вынужденного) продолжаемого преступления в целом.

Соискатель доказывает, что разъяснения, сформулированные в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23, касаются исключительно фактической завершенности продолжаемого преступления, а потому не могут использоваться для определения его юридического окончания. На основании анализа и обобщения доктринальных точек зрения и судебной практики диссертантом предложены следующие правила установления момента юридического окончания продолжаемых преступлений:

– продолжаемые преступления с относительно-определенным умыслом следует квалифицировать с учетом фактически наступивших последствий, т.е. признавать их юридически оконченными с момента, когда содеянное приобрело признаки состава преступления определенного вида, даже если после этого виновный продолжает совершать тождественные противоправные деяния;

– момент юридического окончания продолжаемого преступления с конкретизированным умыслом зависит от параметров цели, поставленной виновным, а также ее уголовно-правового значения: продолжаемое преступление с конкретизированной целью, не имеющей уголовно-правового значения, должно признаваться юридически оконченным с момента, когда содеянное приобретет

все признаки состава соответствующего преступления; если уголовно-правовое значение имеют количественные параметры цели, то продолжаемое преступление необходимо считать юридически оконченным с момента достижения этой цели в объеме, имеющем уголовно-правовое значение; если юридическое значение имеют качественные параметры цели, то продолжаемое преступление следует признавать юридически оконченным с момента достижения этой цели в качественно определенном объеме (в подобных случаях моменты юридического и фактического окончания совпадают).

При квалификации отдельных разновидностей продолжаемых преступлений (в частности, продолжаемой легализации преступных доходов в крупном или особо крупном размере) высшая судебная инстанция отступает от общих правил установления момента их юридического окончания. Примером может служить абз. 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32, где сформулировано следующее разъяснение: «Если лицо намеревалось легализовать (отмыть) денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем (в результате совершения преступления), в крупном либо особо крупном размере посредством совершения нескольких финансовых операций или сделок, однако фактически легализованное имущество по независящим от этого лица обстоятельствам не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченную легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества в крупном или особо крупном размере. Например, когда для легализации денежных средств в крупном размере лицом предполагалось провести две финансовые операции, но оно было задержано после завершения одной из операций на сумму, не образующую такой размер, содеянное должно квалифицироваться по части 2 статьи 174.1 УК РФ».

Во-первых, это разъяснение идет вразрез с позицией Пленума относительно момента окончания продолжаемых хищений в крупном или особо крупном размере, что представляется недопустимым. А во-вторых, анализируемое разъяснение противоречит ч. 1 ст. 29 УК РФ, согласно которой «преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». В рассматриваемой ситуации цель легализации имущества в крупном (особо

крупном) размере не была достигнута ни фактически (поскольку лицо было задержано после совершения одной из двух запланированных финансовых операций), ни юридически (так как размер фактически легализованного имущества не являлся крупным или особо крупным). Иными словами, в этом случае и объективно, и субъективно преступление не доведено до конца по независящим от него виновным обстоятельствам. Поэтому разъяснение Пленума относительно момента юридического окончания продолжаемой легализации преступных доходов в крупном (особо крупном) размере требует пересмотра.

Рассматривая проблемы квалификации продолжаемого преступления, совершенного в соучастии, диссертант приходит к следующим выводам:

– соучастие предполагает совместное совершение единого преступления, что в полной мере относится и к продолжаемому преступлению, совершенному в соучастии. А потому при наличии предварительного сговора на совершение продолжаемого преступления его соисполнителям следует вменять все эпизоды, т.е. продолжаемое преступление в целом, а не только те деяния, в которых они принимали участие. Применительно к продолжаемому хищению, совершенному группой лиц по предварительному сговору, это, в частности, означает, что соисполнители будут нести ответственность за хищение в размере, который определяется с учетом общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы;

– соисполнитель, присоединившийся к совершению уже начатого продолжаемого преступления, должен нести ответственность за это преступление (при соблюдении принципа субъективного вменения), но квалификация его действий отличается существенной спецификой: в объем обвинения присоединившегося соисполнителя не могут входить те деяния, которые были совершены до его подключения к продолжаемому преступлению, поскольку до этого момента он не соучаствовал в этом преступлении и не имел сговора на его совершение с иными соисполнителями; присоединившемуся соисполнителю не вменяется квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору»;

– в основу квалификации интеллектуального и (или) физического содействия совершению отдельных эпизодов продолжаемого преступления должны быть положены взаимосвязанные предписания ст. 5 и ст. 36 УК РФ. Если умыс-

лом пособника не охватывается продолжаемый характер преступных деяний иных соучастников, то он должен нести ответственность лишь за пособничество в конкретном преступном акте. А пособником всего продолжаемого преступления лицо можно признать лишь при наличии у него умысла на содействие продолжаемой преступной деятельности. В этом случае пособник должен осознавать, что иные соучастники совершают продолжаемое преступление, и понимать, что посредством интеллектуального или физического содействия отдельному противоправному акту он способствует совершению продолжаемого преступления в целом (его дальнейшему совершению);

– в различных эпизодах продолжаемого преступления, совершенного в соучастии, соучастники могут выполнять несовпадающие функции. В этих ситуациях необходимо руководствоваться следующими правилами квалификации: если хотя бы в одном из эпизодов продолжаемого преступления виновный действовал как исполнитель (соисполнитель), то вся его продолжаемая преступная деятельность квалифицируется как исполнение преступления; если хотя бы в одном из эпизодов виновный действовал как организатор и при этом не принимал непосредственного участия в исполнении ни одного из таких эпизодов, его следует считать организатором всего продолжаемого преступления; если организатор помимо организаторских функций в одном или нескольких эпизодах выполнял функции пособника, ему вменяется только организация продолжаемого преступления; подстрекательство и пособничество в продолжаемом преступлении могут вменяться одновременно (в формуле квалификации отражается ссылка как на ч. 4, так и на ч. 5 ст. 33 УК РФ).

В параграфе 2.2 **«Уголовно-правовая специфика продолжаемых хищений»** отмечается, что обязательным признаком продолжаемого хищения в форме кражи, грабежа и разбоя является единство источника, из которого совершается продолжаемое хищение. Единство источника изъятия чужого имущества определяется на основании двух альтернативных критериев:

а) пространственный (территориальный) критерий, который предполагает, что неоднократное незаконное изъятие чужого имущества осуществляется из одного места, ограниченного определенными территориальными рамками. Как правило, пространственные границы единого источника, из которого осуществляется изъятие чужого имущества при продолжаемом хищении, опреде-

ляются рамками жилища, помещения, иного хранилища (гаража, сарая, трубопровода и т.п.). Вместе с тем единый источник изъятия чужого имущества в физическом смысле нельзя отождествлять исключительно с одним хранилищем, поскольку похититель может субъективно воспринимать в качестве единого источника несколько обособленных хранилищ, компактно расположенных в одном месте (кладовки, расположенные в одном подвале, соседние гаражи, участки и др.);

б) юридический критерий, который наличествует, если все изъятое неоднократно действиями имущество принадлежит одному собственнику (физическому или юридическому лицу, государству, субъекту федерации). В этом случае единый источник отождествляется с имуществом одного потерпевшего.

В диссертации подчеркивается, что юридический и пространственный (территориальный) критерии единства источника, из которого незаконно изымается чужое имущество, имеют альтернативный характер. В одних случаях единство источника определяется только территориальным критерием (например, неоднократное изъятие из одного хранилища чужого имущества, принадлежащего нескольким потерпевшим), в других – с учетом юридического критерия (тождественные акты незаконного изъятия имущества совершаются в разных местах, но причиняют вред одному потерпевшему), в третьих – на основании совокупности указанных критериев. Таким образом, источник, из которого незаконно изымается чужое имущество, следует признавать единым, если изъятие осуществляется в одном месте и (или) у одного потерпевшего.

Проведенное исследование дает основание утверждать, что для продолжаемого хищения, совершаемого в форме кражи, грабежа и разбоя, единство источника изъятия чужого имущества является обязательным признаком, тогда как для продолжаемых мошенничества, присвоения или растраты единство источника изъятия чужого имущества – это факультативный признак. Субъективная взаимосвязь тождественных действий, направленных на хищение чужого имущества путем мошенничества, присвоения или растраты, может внешне проявляться и без единства источника изъятия, выражаясь в других объективных признаках (например, единство приготовительной деятельности, использование единого способа хищения и др.). Исходя из этого, в п. 16 постановления Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже,

грабеже и разбое» следовало бы конкретизировать, что признак единства источника изъятия чужого имущества относится только к продолжаемым хищениям в форме кражи, грабежа и разбоя.

В параграфе 2.3 «**Особенности квалификации продолжаемого взяточничества**» сформулированы следующие частные правила уголовно-правовой оценки многоэпизодного взяточничества:

– если должностное лицо, получив от взяткодателя незаконное вознаграждение в оговоренном размере за совершение определенных действий (акт бездействия), требует повысить размер взятки и взяткодатель, согласившись с этим требованием, передает чиновнику дополнительное вознаграждение за те же действия (акт бездействия), содеянное необходимо квалифицировать как продолжаемое взяточничество. Желание взяткополучателя получить дополнительное коррупционное вознаграждение нельзя расценивать как новый умысел на получение взятки. Вне зависимости от того, когда возникло такое желание, должностное лицо получает дополнительное незаконное вознаграждение за те же самые действия (бездействие), причем от того же взяткодателя, т.е. не повторяет получение взятки, а продолжает ее получение. С этих же позиций следует подходить и к уголовно-правовой оценке действий взяткодателя, согласившегося на передачу должностному лицу дополнительного незаконного вознаграждения сверх изначально оговоренного размера взятки. Взяткодатель передает дополнительное незаконное вознаграждение тому же чиновнику в тех же самых целях, т.е. предпринимает действия, направленные на реализацию первоначального умысла, продолжает его реализацию;

– иначе следует квалифицировать действия взяткополучателя, который после получения взятки в заранее определенном размере сообщает взяткодателю о том, что для совершения действия (бездействия), в котором заинтересован взяткодатель, необходимо дать взятку другому должностному лицу. В этом случае получение чиновником дополнительного незаконного вознаграждения для передачи другому должностному лицу является результатом формирования нового умысла, а значит, это деяние должно получить самостоятельную уголовно-правовую оценку: как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), если должностное лицо, получившее вторую взятку, передало ее другому взяткополучателю; как мошенничество (ст. 159 УК РФ), если информация о

необходимости подкупить еще одно должностное лицо является ложной и сообщается с целью похитить дополнительное незаконное вознаграждение («мнимое посредничество» во взяточничестве). При этом в первом случае взяткодатель должен нести ответственность за два оконченных преступления, предусмотренных ст. 291 УК РФ, а во втором случае его действия следует квалифицировать как совокупность оконченной дачи взятки и покушения на дачу взятки;

– при разграничении продолжаемых дачи и получения взятки за общее покровительство (попустительство) по службе и совокупности преступлений необходимо в первую очередь учитывать субъективное восприятие неоднократных фактов передачи незаконного вознаграждения со стороны субъектов коррупционного подкупа. Если взяткодатель и взяткополучатель воспринимают их как регулярную оплату единого комплекса коррупционных услуг (рассроченные коррупционные платежи за благоприятное отношение чиновника), то имеют место продолжаемые дача и получение взятки за общее покровительство (попустительство) по службе. Если же каждый повторный факт передачи взятки воспринимается взяткодателем и взяткополучателем как самостоятельная коррупционная «сделка», все эти факты требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Соискатель констатирует, что позиция высшей судебной инстанции относительно момента юридического окончания продолжаемых получения и дачи взятки в значительном, крупном или особо крупном размере (абз. 2 п. 10 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24) не согласуется ни с разъяснениями по другим категориям дел, ни с доктринальными правилами квалификации продолжаемого преступления. Поэтому их необходимо скорректировать, изложив в следующем виде: «Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как *покушение на дачу* либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан после передачи ему

первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по *части третьей статьи 30 УК РФ и пункту "в" части 5 статьи 290 УК РФ*» (предлагаемые изменения выделены курсивом).

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, сформулированы его основные положения и выводы.

**Основные положения диссертационного
исследования опубликованы в следующих работах:**

Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Кулагин, А.Н. Единство источника изъятия чужого имущества как признак продолжаемых хищений [Текст] / А.Н. Кулагин // Российский криминологический взгляд. – 2014. – № 2. – С. 744–748. – 0,5 п.л.

2. Кулагин, А.Н. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества [Текст] / А.Н. Кулагин // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 173–176. – 0,4 п.л.

3. Кулагин, А.Н. Особенности квалификации продолжаемых хищений [Текст] / А.Н. Кулагин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 107–116. – 0,9 п.л.

4. Кулагин, А.Н. Основные концепции (теории) продолжаемого преступления в доктрине уголовного права [Текст] / А.Н. Кулагин // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 53–58. – 0,6 п.л.

Статьи в иных изданиях:

5. Кулагин, А.Н. Проблемы квалификации многоэпизодного получения взяток [Текст] / А.Н. Кулагин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26 – 27 января 2017 г.). – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 499–502. – 0,3 п.л.

6. Кулагин, А.Н. Многоэпизодное получение взяток от одного взяточдателя: продолжаемое преступление или их совокупность? [Текст] / А.Н. Кулагин // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права

В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (Рязань, 24 мая 2016 г.) / под ред. В.Ф. Лапшина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016. – С. 221–229. – 0,5 п.л.

7. Кулагин, А.Н. Структура продолжаемого преступления: проблемы теории и практики [Текст] / А.Н. Кулагин // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 87–94. – 0,5 п.л.

8. Кулагин, А.Н. Юридическое окончание продолжаемого взяточничества: проблемы теории и практики [Текст] / А.Н. Кулагин // Состояние законности в Российской Федерации: сб. материалов круглого стола аспирантов и молодых ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, 13 апреля 2016 г.) / под ред. А.Ю. Винокурова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – С. 42–47. – 0,3 п.л.

9. Кулагин, А.Н. Перспективы нормативной регламентации продолжаемых преступлений [Текст] / А.Н. Кулагин // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г.: в 2 т. / редкол.: К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, И.В. Танага, П.В. Максимов, А.З. Хун. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – Т. II. – С. 202–207. – 0,4 п.л.